

ЗАБОТА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ СВЯЗАНА С ДУХОВНОЙ ЗАЩИТОЙ СВОЕГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА

Карем Раш,
*член Союза писателей России,
лауреат премии Александра Невского*

Язык — это сокровище, данное Богом народу для своего свидетельства в веках. Он, язык, — главное богатство народа, условие его самостояния на Земле, формирующее его духовность и обеспечивающее иммунную безопасность. Потому церковь учит строгому и бережному отношению к слову и предостерегает от греха сквернословия и многословия. Ни в одном словаре, даже сверхбогатом, мы не способны отыскать слова для определения столь могущественного и непостижимого явления, как язык. Слово «язык» стало у нас и синонимом целого народа. В годину наполеоновского нашествия предостерегали в царских манифестах о вторжении на Святую Русь нечестивого Бонапарта с «дванадцать язык».

Все манифесты 1812 года были писаны Государственным секретарём, вице-адмиралом Шишковым, вдохновенным апостолом русского слова. Адмирал-языковед утверждал: «Язык — есть мерило ума, души и свойств народных». Адмирал относился к языку с религиозным рвением и неоправданные заимствования из чужих языков воспринимал как злую,

разрушительную ересь, сравнимую с чужеземным вторжением. Манифесты адмирала Шишкова, по словам Сергея Тимофеевича Аксакова, «действовали электрически на целую Русь». Царские манифесты, составленные адмиралом, гремели по стране: «Народ русский! Храброе потомство храбрых славян!..»

На бюсте вице-адмирала Шишкова в Академии наук, которую он возглавлял четверть века, золотом выбиты будут пушкинские строки:

**Сей старец дорог нам;
он блещет среди народа
Священной памятью
двенадцатого года.**

Благодаря адмиралу Шишкову во стане русских воинов слово и оружие слились победно...

**Служение родному языку
и народу**

Мне довелось не один десяток лет дружить со знаменитым филологом,

академиком Олегом Николаевичем Трубачёвым и его семьёй. Наши беседы были интересны и затрагивали широкий круг тем. Ясность и строгость мышления Олега Николаевича в сочетании с его врождённым остроумием особо украшали беседу. Чаще всего мы касались актуальных вопросов отечествен-

Олег Николаевич Трубачёв с женой (1970-е годы)

ной истории, филологии, природы и истории русского языка, которая неразрывна с исторической судьбой народа. Особенно волнующей темой всегда была роль языка как важнейшего инструмента в созидании личности, семьи, армии и государства. Язык — главное сокровище нации, и здесь на первый план выходит языковая стража летописцев от преподобного Нестора и митрополита Иллариона, которую сменили со времён Аввакума Петрова писатели и особенно в последние века — филологи-русисты.

Написать о служении академика Трубачёва родному языку и народу мне хотелось давно — пожалуй, года с 1984-го. В тот год в «Правде» вышла его статья «Славяне, язык и история». Сейчас подобная работа едва ли была бы замечена среди свистопляски криминала. А тогда Советский Союз высился несокрушимым монолитом. Строгая статья Труба-

чёва (благородная строгость всегда была его «фамильной» чертой), неожиданная для директивного органа партии, была заряжена такой сдержанной болью и духовной силой, что даже напугала газету обвалом звонков и писем. В числе восхищённых читателей оказался и начальник Генерального штаба мощных тогда Вооружённых сил СССР, сверхсведомлённый маршал Ахромеев. Он отправил, возможно, первое в истории письмо маршала филологу. Трубачёв и маршалу, и всем остальным адресатам ответил со свойственной ему добросовестной учтивостью, хотя и сам был ошеломлён неожиданным шквалом откликов.

В заголовке статьи с партийным иносказанием не было слова «русский», а только расплывчатое «славяне», но и оно исторгло вопль из миллионов истосковавшихся по родному русским сердцем.

Теперь-то мы знаем, что не базы, не ракеты, не полигоны, не танковые армии и не партия были главной силой, скреплявшей государство. *Этой силой, незримо скреплявшей обширное пространство державы и объединявшей людей разных национальностей и вероисповеданий в единый монолит, главным «сверхоружием» страны был великий, правдивый, свободный и могучий русский язык.* Именно правдивый и свободный, ибо таким выступал в веках его создатель — русский народ. Его, этот великий язык, законно может считать своим родным языком и русский, и белорус, и украинец. Они, все три народа-брата, соавторы этого языка в веках, как утвердил это своим творчеством малоросс Николай Гоголь, художник, богослов, инок.

Недаром после распада Союза этнократические кланы в бывших братских республиках первым делом стали бороться с русским языком, изгоняя его из общественной и политической жизни.

Патриарх русистики академик Виктор Владимирович Виноградов в разгар Великой Отечественной войны пишет свою

знаменитую работу о единстве языка и народа «Великий русский язык». Учёный утверждает: «Язык — не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания». Два слова — «национального самосознания» — особенно драгоценны для нас и являются ключом к победному разрешению всех политических, социальных и духовных задач. По существу все войны со времён неолита между племенами, народами и нациями идут по существу за самосознание, или, выражаясь научно, за самоидентификацию. «Кто мы в этом мире?..», «Что мы následуем?..», «Какова наша миссия на земле?..», «Кто нам готовит удар в спину?..», «Сильна ли наша вера?..», «Гибок ли и могуч родной язык?..», «Целомудренны ли наши девушки? Мужественны ли и честны мужчины?» — вот первые вопросы самоидентификации, которые ставит себе и решает каждый гражданин и более других — глава государства и его дружина. Самоидентификация — смысл существования всех ветвей власти. Именно самоидентификация подвергается масшированному и тайному штурму всеми видами информационного оружия днём и ночью и в мирное время сильнее, чем в войну...

Деградация Западного христианского мира и наша в том числе проистекает от того, что ни у нас, ни в Америке, ни в Европейском союзе нет ни одного правителя или партии, которые смыслом своей деятельности сделали бы борьбу за самоидентификацию, дух и веру. Сегодня борьба против самосознания идёт отчаянная, чтобы лишить народ самосознания, а значит и трудоспособности, и боеготовности. Прежде всего чужими бубонными словечками вроде «шоу», «имидж», «саммит», «ток-шоу» внедряют чужие ценности, «чужие» мысли.

Чтобы сделать человека податливым к внушению, его развлекают, убеждая что смех якобы продлевает жизнь. На самом деле смех, которым потчуют народ, опустошает душу. Информацией о катастрофах разрушают духовную собранность. Передачи о преступности призваны создать вместо традиционной культуры и самобытных православных ценностей новую уголовную субкультуру индивидов, не способных отличить добро от зла.

Но несмотря на то, что за последние полтора десятилетия урон был нанесён огромный, русский язык и поныне остаётся цементирующей основой, на подсознательном, ментальном уровне соединяющей людей разных национальностей.

Эта таинственная, сокровенная власть языка не давала покоя Трубачёву последние десятилетия, как только разрушители стали раскачивать страну. Он много над этим размышлял, выступал, объясняя с разных трибун, что в языке — наша сила, наше единство, богатство и возрождение. Глубокую взаимосвязь языка, породившего его народа и государства, созданного этим народом, всегда осознавали лучшие умы России. Карамзин в «Истории государства Российского» отмечал: «Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом писателя умного, может равняться ныне по силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времён. Будущая судьба его зависит от судьбы Государства».

Именно в силу нерасторжимости судьбы языка и государства каждый истинный филолог-русист с первого курса института вступает в языковую стражу своего Отечества. Язык дан народу Богом. Но и государство, по Гегелю, есть «Бог, стоящий в мире». Таким образом, служение русиста длится до смерти.

В Москве живёт вузовский преподаватель — русист Зинаида Савиновна Дерягина. Выросла и окончила университет в Екатеринбурге. Корни у неё вятские, из стойких старообрядцев. Она — скромная подвижница русского языка. Её покойный супруг, доктор филологии Виктор Яковлевич Дерягин, беззаветный русист, прямо-таки «горел» на посту заведующего отделом рукописей Публичной библиотеки («Ленинки»). Дерягин был из прирождённых стражей-русистов.

Зинаида Савиновна и её супруг Виктор Яковлевич, как и тысячи других русистов, непроизвольно тянулись к такому светочу русистики, как академик Олег Николаевич Трубачёв и его супруга Галина Александровна Богатова, доктор филологии и известный лексикограф. Мы говорили о внецерковном, но, по сути, религиозном служении русистов. Знакомый лингвист Зинаиды Савиновны Олег Владимирович Востриков покинул докторантуру и принял священнический сан. В то время у него уже было на руках пятеро детей. Но переход Вострикова из русистики в священство был прям и органичен и казался ему единым служением Богу и России. По исторической России, в пределах бывшего Советского Союза, сегодня много скромных, безвестных и верных стражей родного языка.

Все честные кафедры русского языка и словесности во всех вузах страны и в военных училищах и всех преподавателей русского языка более чем в 60 тысячах школ России можно бы приравнять к особому духовному братству подвижников русского слова. Почему? — спросите Вы. Да потому, что *каждодневная забота о русском языке напрямую связана с духовной защитой своего народа и своего государства.*

В одном из медицинских заведений Новосибирска, как передают, успешно лечат детей от наркотиков сказками. Тяга к чистоте и чудесному слову оказывается сильнее тяги к наркотикам. Всю нацию с помощью радио, телевидения и литературы можно высветлить и возродить, с помощью чистого русского языка, родных напевных песен и правды без бабуинского эстрадного дрыганья и завываний наших тусклых «звёзд».

В каждом педагогическом вузе кафедра русского языка должна бы быть наиболее чтимой и окружённой заботой всех остальных кафедр. Как в каждой военной академии под № 1 идёт кафедра оперативного искусства, так в каждом вузе под незримым № 1 приличествует быть кафедре русского языка.

Она должна находиться в личном ведении не только ректора, но и главы города или губернатора.

Особые надежды Россия возлагает на своих сынов, оказавшихся за пределами Российской Федерации, в бывших советских республиках. На их верность языку митрополита Иллариона, преподобного Нестора, боярина Софрония Рязанца, автора «Задонщины», «Слова о полку Игореве», Аввакума Петрова, Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Даля, Чехова, Шолохова, Ивана Ильина, Ивана Шмелёва, Василия Жуковского, историков Ивана Голикова, Ивана Забелина и святых Дмитрия Иловайского, митрополитов Филарета (Дроздова), Игнатия (Брянчанинова), героя Севастополя, святого митрополита Иннокентия (Борисова) и святых протоиереев о. Иоанна (Кронштадтского) и о. Иоанна (Восторгова). Этим именам надлежит быть основой каждой библиотеки в православной семье. Сюда можно бы присовокупить труды Трубачёва и, прежде всего небольшую, но мудрую его книжку «В поисках единства».

Всем перечисленным светочам русской культуры свойственна исключительная честность и правдивость. А мы перечислили только горсточку подвижников Русской земли. *Вся Русь при любых испытаниях держалась на людях правдивых. Только такой народ и его порода могли создать, по слову Тургенева, язык «правдивый и свободный».*

Так появляется в веках таинственная и глубокая связь языка и народа. Не догмы партийные, замешанные на равнодушии к своему народу, хитро рассечённому на классы, скрепили землю бывшей Российской империи, а тяга и доверие всех нерусских народов империи к народу русскому за его честность и приверженность правде.

Честность была основой и двигателем всего купеческо-промышленного сословия

России из века в век, при любых издержках, свойственных грешному человеческому роду.

После 1917 года часть русских дворян, инженеров оказалась в США. Первым сплотил русских офицеров и инженеров вокруг себя авиаконструктор Игорь Сикорский, создав русскую авиастроительную фирму. Потом пятьдесят лет на его вертолётах будут летать американские президенты. Русские дворяне — инженеры так поразили воображение янки своим трудолюбием, культурой и честностью, что те стали требовать, чтобы при создании новых фирм половина ведущих сотрудников состояла из русских.

Сейчас, говоря словами Председателя Правительства В. Путина, «медийный бизнес» внушает всем, что в России только и делали, что воровали, чтобы оправдать собственное телеворовство — т.е. ложь. Если в России только и делали, что воровали, то значит в ней не было никогда верующих. Не может человек воровать и быть верным Богу.

Россия выстояла и возвысилась только на приверженности к правде. Таков и язык её — правдивый и свободный. Свидетельства верности правде в народе неисчислимы.

...В разруху и смуту 1918 года пограничников не хватало. Командирами зачастую служили старые царские офицеры Пограничной стражи. Едва ли не «отцом» всей новой красной пограничной службы стал сын великого русского писателя Н.С. Лескова полковник Андрей Николаевич Лесков. В царской Пограничной страже он прослужил более тридцати лет. С 1918 года А. Лесков — начальник штаба Петроградского пограничного округа. Ещё десять лет он на ключевых должностях обеспечивал преемственность поколений. Разработанная им «Инструкция по охране северо-западных границ» (1923 года) стала основным руководством для всей советской пограничной службы. В пределах подведомственного Лескову Северо-Западного округа произошёл один из характерных для русской границы случаев.

Пограничников набирали тогда на добровольной основе. Они едва прикрывали наиболее важные участки вдоль Мурманской железной дороги. Однажды пограничник Фёдор Крышанов

проводил досмотр вещей на таможенном пункте. Один из иностранцев пообещал Крышанову солидную награду, если тот пропустит его чемодан без досмотра, но услышал в ответ: «Не продаётся!». Чемодан вскрыли и обнаружили валюту в 369 тысяч рублей. За неподкупность командование объявило Фёдору Крышанову благодарность. Замечу, что Крышанов не буркнул иностранцу «Не продаётся...», не отвёл глаза и не взглянул исподлобья, как смотрят только уголовники. Крышанов посмотрел на валютчика твёрдо и прямо — словно с оттяжкой: «Не продаётся!»

Из крышановской чистоты сердца со времён былинного атамана пограничной стражи Ильи Муромца исторгался правдивый русский язык и его культура.

...Олег Николаевич Трубачёв был нестигаемым воином русской стражи. Он родом из несменяемой стражи казаков. Его род известен с XVII века среди служилых волжских казаков. Ему — учёному — были близки слова Ивана Ильина о природе науки и её месте в жизни народа: «Наука, — писал Ильин, — неотрывна от породившей её национальной культуры: наука есть органическая сила народной жизни и истории, живое дыхание народного духа; и в то же время наука есть величайшая национально-воспитательная сила, которая именно для того излучилась из народной души и сосредоточилась в особый очаг — очаг мысли и знания, — чтобы вернуть народу свою сосредоточенную и очищенную, а потому воспитывающую и облагораживающую силу».

Именно в этом и видел свою миссию на Земле один из вождей стражи русистов — академик РАН Олег Николаевич Трубачёв.

Без национальных начал не только невозможно создать государство, армию,

науку, но даже выиграть в футбол. Во все века проблема народа, его языка, его веры и государства была в центре борьбы за самоидентификацию и самосуществование народа. Ещё великий протопоп Аввакум Петров обращался к отцу Петра I, царю Алексею: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах». Кстати, даже великая русская литература XIX века не смогла превзойти по выразительности и мощи «Житие» протопопы Аввакума этого гениального апостола и русиста. За столетие до Аввакума царь Иван IV в полемике с иезуитом Пассевином на предложение последнего принять унию по примеру греков отрезал:

— Греки для нас не Евангелие. Мы верим Христу, а не грекам.

И чтобы окончательно поставить всё на свои места, заявил:

— Вас крестил апостол Пётр, нас крестил апостол Андрей Первозванный.

В устах царя это прозвучало, как «мы первозаннее вас». В год посещения апостола Андрея русская речь уже звучала по всему югу России в устьях Дуная, Днестра, Буга, Днепра, Дона и Кубани. Она продвигалась вверх по течениям этих рек и местами уже достигала Ладоги, Невы и острова Валаама. Уже тогда, согласно изысканиям О.Н. Трубачёва, формируется наддиалектный устный литературный язык. Катализатором этого явления стали племена по течению Дона. Великий Пётр на Ордене Андрея Первозванного провидчески велел выгравировать: «Sanctus Andreas — Patronus Rossiae» (Святой Андрей — Покровитель России). Ещё в начале X века послы князя Олега спокойно и гордо заявили византийцам через девять веков после посещения апостола Андрея: «Мы от рода русска»...

Смысл жизни языка, говоря словом языковедов, — в аристократизации языка. Тайная, глубинная связь языка и породившего его

народа заключается в том, что аристократизация жизни — единственный смысл пребывания и самого народа на Земле, то есть в непрерывном и трудном физическом и нравственном совершенствовании.

Мы знаем теперь, что русский, белорусский и украинский языки имеют общего предка — древнерусский (восточнославянский) язык. Русский литературный язык вобрал в себя почти все ресурсы трёх языков-братьев и потому может язык Пушкина и Гоголя быть литературным языком всех трёх народов.

Язык — это море, глубокое и таинственное...

«Правдивый Даль» и великий Пушкин

«Я полезу на нож за правду,
за Отечество, за русское слово, язык».

Владимир Даль

Победоносная война 1812 года с жестокими сражениями всколыхнула и пробудила Россию от края до края. Героями войны стали казаки. Как пелось в народной казачьей песне: «Грянули чада Тихого Дона, — Мир изумился, враг задрожал». После того, как казаки взяли Берлин и вошли в Париж, один из величайших русистов Владимир Даль, чуткий к духовным сдвигам, взял себе псевдоним «Казак Луганский». Псевдоним Даля, кроме всего прочего, подтверждает, что Луганск был в числе коренных земель Всевеликого Войска Донского.

...Белинский писал о Владимире Дале: «К особенностям его любви к Руси принадлежит то, что он любит её в корню, в самом стержне, основании её, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком. Как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком. Он знает его добрые и его дурные свойства,

знает его горе и радость его жизни, знает болезни и лекарства его быта... После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе!»

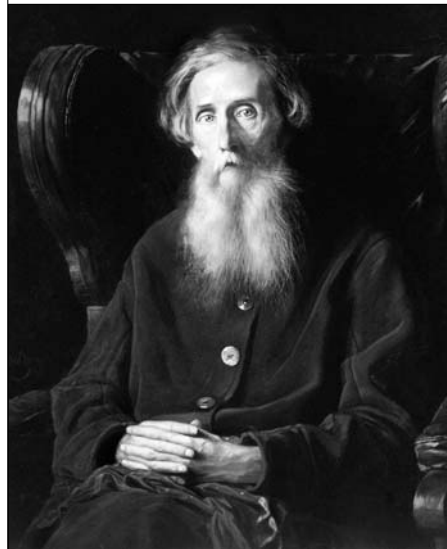
Знаменательно, что этот человек, получивший прозвание «правдивый Даль» и любивший глубоко и искренне русского мужика таким, какой он есть, не имел в своих жилах ни капли русской крови. Его отец Иоганн Христиан Даль (Иван Матвеевич), главный врач Черноморского флота, был из датских дворян. Мать — немка. Говоря языковедчески, его родители были из германской семьи языков.

Отец Даля хорошо владел основными европейскими и древними языками. Владимир Даль унаследовал от него не только склонность к языкам, но и повторил судьбу отца. Он окончил Морской кадетский корпус и после службы лейтенантом флота поступил на медицинский факультет Дерптского (ныне Тарту, ещё ранее Юрьев) университета.

Сам Гоголь напишет о Владимире Дале: «Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили своё воспитание и создались как граждане земли своей, а из писателей только такие, которые, любя Россию так же пламенно, как тот, который дал себе название Луганского Казака, умеют по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском и руководствуясь единственно желанием ввести всех в действительное положение русского человека.

Ум твёрдый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живостью его слово. Всё у него правда и взято так, как есть в природе... По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей... каждая его строчка меня учит и вразумляет, продвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен нам в нынешнее время. Его сочинения — живая и верная статистика России».

Даль начинал на поприще словесности в трудное для русского языка время. Фёдор Глинка имел основание воскликнуть после 1812 года: «Имя Отечества нашего сияет славою немер-

Владимир Иванович Даль

дающею, а язык его безмолвствует... Мы — русские, а говорим не по-русски!..»

Писатель Казак Луганский явился на свет книжкой «Русские сказки», но тогда же Даль сознавался, вторя Фёдору Глинке: «Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода». В этой связи Даля можно назвать «катакомбным» певцом русского языка: он, как и Ломоносов, Державин и Пушкин, начинал своё поприще в период угнетённости родного языка, полубразованных поклонников всего чужеземного, подобных нынешним «ню-западникам» с их заимствованиями «шоу», «саммита», «бизнеса», «сити», «киллера» и т.д. Но если тогда заимствовали дворяне, которые могли отдать жизнь за личную честь и за Россию, то теперь говорят по-западному в основном дети казнокрадов. Потому русисты поколения Олега Трубачёва со времён перестройки и особенно после 1991 года жили под гнётом чуждой нам лексики «новых русских» и много раз пытались через Думу выработать Закон о русском языке.

Русисты хорошо понимали те трудности, которые преодолевало поколение «правдивого Даля». Даль, как и все русисты до и после него, вёл непрерывные «боевые действия» за чистоту русского языка против чужеземных вторжений. Война за русский язык — есть война за русский народ, за его самосознание и государство. Таков символ веры русистов.

...Первое слово из будущих 200 тысяч слов своего «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Даль записал в 1819 году, когда он мичманом после корпуса ехал из Петербурга к месту службы на Черноморский флот. Четыре года отслужил Даль на корветах и фрегатах Черноморского флота, крейсируя, в основном, вдоль кавказского побережья, как и лицеист, друг Пушкина Фёдор Матюшкин, как однокурсник Даля Степан Нахимов, как Корнилов и Истомин, пресекая торговлю русскими и грузинскими рабами по Чёрному морю.

Эта жгучая народная тема ни разу не попала в поле зрения русской литературы.

Даль глубоко был связан с Украиной и любил её. Он родился в 1801 году в Лугани. Рос в Новороссийском крае в Николаевке, где служил на флоте его отец. Сам Даль замечал: «Отец мой — выходец, а моё отечество — Русь...» Своей жизнью и творчеством Даль одухотворил и скрепил как бы фланги России: Украину, а через Оренбуржье — заволжские степи и казахские кочевья. Он признавался: «Будучи родом из новороссийского края и проведя там молодость свою, я с родным чувством читаю и вспоминаю всё, относящееся к Южной Руси и Украине». Даль отличает «южную Русь и Украину». Южная Россия — это Новороссийский край с Крымом, Херсоном, Одессой, Николаевым, Днепропетровском, Донецком, политыми кровью русских гренадер. Во времена Петра, Елизаветы и Екатерины малороссов не рекрутировали в русскую армию. Новороссийский край с Тавридой — это святое достояние России, возвращённое русской кровью.

Святой митрополит Иннокентий (Борисов), которого не увидел на бастионах Севастополя атеист Лев Толстой, — человек, который удостоился памятника 1000-летия России едва ли не через пять лет после кончины, возвещал на редутах Севастополя пророчески грозно: «Страна сия — часть России, вставлена в Россию рукой самого Провидения, и нет врага, могущего её отторгнуть: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6)».

Даль, несомненно, всем сердцем был согласен со своим современником — св. Иннокентием (Борисовым), гениальным богословом.

Белинский писал о Дале: «Новороссия с Крымом знакомы ему как нельзя больше, а Малороссия словно родина его». Терпеливо Даль занимался составлением словаря украинского языка. Он сообщил ректору Киевского университета М.А. Максимовичу в 1848 году, что «собрал довольно полный малорусский словарь — кажется, восемь тысяч слов будет».

Даль вместе со Срезневским, собирателем малорусского фольклора, и Максимовичем отстаивал самостоятельность и самобытность украинского языка, который «сохранил всю девственную простоту свою и силу, и всюду себе равен» (из очерка о В. Дале Ю.М. Костинского).

Но не у всех украинцев, видимо, Даль находил отклик. Тарас Шевченко, участь которого и Даль пытался облегчить, занимая много лет ответственный пост в Министерстве внутренних дел, отзывался о Дале с непонятной злобой. Может быть, поэт ревновал к успехам Даля на почве украинского фольклора и преданий. Даль перевёл «Апокалипсис» св. Иоанна Богослова, который Шевченко называл «бог вдохновенной чепухой», Биограф Даля В. Порудоминский пишет о том, как Тарас Шевченко «с благоговением облобызал первый увиденный им номер «Колокола» Герцена». Свой

Толковой Словарь Казак Луганский делал полвека. Но он успел ещё верхом проделать тысячи вёрст по казахским кочевьям чиновником особых поручений с 1932 года при Оренбургском генерал-губернаторе В. Перовском — друге Пушкина и Государя Николая I.

Здесь Даль выполняет, кроме служебных обязанностей, и роль филолога, этнографа, историка, статистика, ботаника. В качестве помощника командующего и врача он в 1839 году зимой участвует с казаками и солдатами в Хивинском походе. Рейд был неудачен из-за лютой зимней стужи и ураганных ветров. Казаки шли в поход с воодушевлением. Они всегда готовы были к боевому делу, если надо было вызволять православных пленников из рабства.

Как подвижник, Даль принадлежит не только русскому народу, но и украинскому, и казахскому. Особо глубокие духовно-дружеские и даже мистические отношения связали Пушкина и Даля. Ещё в 1832 году Пушкин посоветовал Далю превратить свою коллекцию слов, разных диалектов и говоров в отдельный Словарь, тем самым Пушкин причастен к великому национальному делу. Оба они в 1829 году стали участниками русско-турецкой войны на разных её театрах, не будучи ещё знакомыми. Даль на Балканах, Пушкин в Малой Азии во время путешествия в Арзрум. Оба, и Пушкин и Даль — Казак Луганский, принимали самовольно участие в атаке казачьих сотен. В том же 1829 году во время поездки на Кавказ Пушкин напишет своё таинственное стихотворение о неземной и высокой любви к священной Розе.

**Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.**

Как во всем стихотворении, так и в этих четырёх волшебных строках Пушкин приоткрыл нам на мгновение свой подлинный и абсолютный автопортрет, каким он в минуты озарений предстал перед Богом.

В 1833 году Пушкин проехал по пугачёвским местам. Вместе с Далем они едут в Бердскую

слободу, столицу Пугачёва, этого бывшего донского хорунжего — артиллериста, на радость яицких казаков-староверов объявившего себя Петром III. В дороге Пушкин рассказал сказку «О Георгии Храбром и о волке», Даль её издаст с припиской «Сказка эта рассказана мне А.С. Пушкиным». Александр Сергеевич подарил Далю рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке», написав: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин».

За сто дней до смерти Пушкин опубликовал, на мой взгляд, лучший в мире роман «Капитанская дочка». Безыскусственность, простота и благородство романа могли быть творением только аристократической души Пушкина. После дуэли Пушкину было отпущено Богом всего 45 часов, чтобы в муках очиститься и просиять. Все эти 45 часов Даль провёл у постели Пушкина. В эти скорбные часы, в одну из минут просветления, Пушкин снял с руки перстень с изумрудом и подарил его Далю. В древних преданиях Востока есть поверье: «Когда готовишься к бою, разумно носить изумруд без пороков высших качеств». На поле боя у Чёрной речки, где сражался поэт за честь русской семьи, изумруд не уберёт его. Но подарок Пушкина — предсмертный — в высшей степени символичен.

Митрополит Анастасий написал о последних часах Пушкина: «Всепоощающая любовь и искренняя вера, ярко вспыхнувшая в его сердце на смертном одре, озарили ему путь в вечность, сделав его неумирающим духовным наставником для всех последующих поколений. Нравственный урок, данный им русскому народу на краю могилы, быть может, превосходит всё, что оставлено им в назидание потомству в его бессмертных творениях».

Пушкин непостижимым даром поэта и провидца, «рыцарь бедный» надеялся и не обманулся:

**Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.**

Пушкин перед смертью просиял и вошёл
в сонм русских святых.

Когда к 1866 году Даль опубликовал свой «Толковый словарь живого великорусского языка» в двести тысяч слов, современники в один голос признали, что «этот Словарь — нечто небывалое на святой Руси». Появление Словаря стало возможным, и Даль победил обстоятельства и тяготы жизни потому, что остался до конца верен принципам родного отца, о котором Даль говорил: «Отец мой был прямой, в самом строгом смысле честный человек».

С пятидесятих годов тема правды становится особенно заметной в письмах Даля: «Пошли нам, Господи, правду свою, вот мы чем оскудели»...

Тема правды была стержнем жизни русистов во все времена и никогда не должна покидать духовный горизонт россиян. Верность правде для русистов — черта родовая.

Даль был хорошим семьянином и заботливым отцом. Он любил детей, всегда помнил о юных читателях и издал несколько десятков книг для детей младшего возраста. В числе его друзей по университету Дерптскому была девятилетняя девочка Катенька Мойер, дочь профессора-хирурга Мойера. По матери Катенька была родственница В.А. Жуковского. Семью Мойера хорошо знали и Пушкин, и поэт Языков, который учился в Дерпте, и хирург Пирогов. В 1929 году доктор медицины Даль отбыл на турецкий фронт в действующую армию. Здесь Даль получил чудное письмо от Катеньки Мойер, которое впору включить в хрестоматию школьников. Как-никак, основу всех русистов составляют шестьдесят шесть тысяч школ России и их учителя русского языка и литературы. Пожалуй, к русистам можно отнести и преподавателей русской истории с их учениками.

Катенька Мойер писала «милому другу Далюшке» крупными, почти печатными буквами: «Милый друг! Могу сказать, что утешил меня мой добрый Даль, своим письмом, а ежели бы ты его видел как его отделили на почте всего искололи, изрезали, как лихова Татарина¹... Мы все очень рады, что ты с нашим милым, добрым Зейдлицем вам вместе ловчее воевать... А это очень хорошо что вы много пушек отняли туркам нечем будет по вас стрелять. Как я не люблю пушек такой неприятный звук я только тогда слыхала, когда полицмейстер стрелял в коронацию Императора. У вас я думаю громче бывает. Скажи мне пожалуйста познакомилась ли ты с какой-нибудь девочкой турецкой... У нас живёт твоя добрая матушка и делает милость учит меня по-немецки и ещё чему-то да не скажу она будет тебе сюрприз². Маменька твоя у нас довольно часто бывает она здорова также и братик твой Павел. Ждём сюда скоро и Леона. Но когда я дождусь моего Владимира. Все уверяют, что вы взяли уже Константинополь, но в газетах ещё нет. Как бы я желала получить от тебя письмо оттуда. Не думай дружок чтоб я не умела читать твоих писем мой друг нет! Сударь читать-то я умею вот писать моя беда. Я начала учиться грамматике и чистописанию у доброго Пирогова который меня с большим прилежанием учит... Прощай мой милой Даль описание твоего лошака очень меня прельстило поглядела бы на него красавца. Скажи от меня милому Зейдлицу что я его очень люблю... Покорная вам обоим слуга Катерина Мойер».

Письмо девятилетней Катеньки Мойер можно считать одним из миллионов истоков и ручейков русистики, впадающих в океан русского языка...

¹ Письма обрабатывали в карантинах при окуривании.

² Далева матушка учила Катеньку петь и разучивала с ней песню «Ехал казак за Дунай». Письмо К. Мойер приводит В. Порудоминский.